

Из книги «Памяти памяти»

*ДедАм моим — С.Н. Вдовину и А.М. Булыгину —
с земным поклоном*

Что ж ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
Г.Р. Державин

Памяти парадов

Эскиз рассказа

Геннадий Вдовин,

историк искусства,
директор музея-усадьбы
«Останкино»,
Москва

Поеду к деду. Девятого мая. На кладбище. Деревня Фаустово. И всего-то столичный от Москвы по Казанке.

С сыновьями поеду.

Петька водки купит; средний — Серёга — рулить будет; а поскрёбьши Андрюха, глядь, и колбасы с хлебом порежет.

И в Серёгиной машине мы не будем включать радио с трансляцией парада...

Я же не знаю, как рассказать сыновьям...

...
Рассказать, как собирались они в нашей комнатёнке перенаселённой таганской коммуналки девятого мая с семи до восьми утра.

Дед Вдовин Сергей Никифорович приезжал восьмого об вечер с любимой «Зубровкой».

Иногда, редко, далеко же из Рославля, — другой дед: Булыгин Александр Михайлович.

Вдумчиво выпивали с моим отцом, вернувшимся с дневной смены. Величали меня Генькой и Викторычем. Кормили мармеладом, называя его «говножужем». Резко и невозражательно отправляли спать.

Сдаётся, не спали они об эту ночь и ждали первого часа с какими-то минутами — времени подписания безоговорочной капитуляции.

С утра, когда я просыпался, были уже свежи, вымыты и бриты. Мама и подтянувшиеся к делу тётки (Булыгины, Неземские, Яхонтовы, Бойченки, Заруцкие и Варыгины) «кормили дедОв». Меня, мокропузого, сажали с мужиками. Завтракали плотно — со щами и с маминим студнем.

Выпивали первую: «За Победу!».

Одевались неспешно. Дед Булыгин угрюмо чистил вечные сапоги, раздражённо попыхивая безмерной козьей ножкой с ядрёным самосадом, угрюмо бурча: «Куда? Опять? Зачем? Почему?». Дед Вдовин, никогда не носивший галстуков, вязал их всем, силпо приговаривая: «И на черта тебе второй хер? Этим не справишься?» Привычно и аккуратно ржали над сыздавна дежурной шуткой.

Дальше — награды.

Искали в крепких и несносимых бо-стоновых пиджаках прежние, прошлогодние дырки.

Вдовины (Сергей и Василий, двое выживших из семи братьев от Александра до Якова) — три «Красных Звезды», две «Славы», один «Отечественной войны», один «Боевого красного знамени», плюс дедовы — югославские и итальянские, и Василия Никифоровича — английские и американские.

Медальки не надевали. Брезгливо, через губу, цедили — «собачьи жетоны». Исключение, конечно, «За отвагу», шедшая за орден ордена. Никак не стеснялся — «За оборону Москвы», «Кёнигсберг», «Берлин», «Прага». У моих Никифоровичей «За отвагу» было две.

В 7.15 приходил, сухо и дробно стуча белой палкой, «Деда-Коль». Никакой, ясно, мне-то не дед. Сосед наш. Слепой. Бравый десантник. С обожжённым в Праге 1945-го лицом и вытекшими там же глазами. Доставал кисет, где в махорке с корешками и донником лежали «цацки». Командовал, что ему «нонча цаплять» — «Славу», «За отвагу» — две, «Звёздочку». «А эту дрысь, Серый, взад прибири!» «ДранЬки» приносил в чьей-то красной застиранной косынке.

В половине восьмого являлся «Дядя Хули» — испанец, танкист, Курская дуга, деревянные ноги, с Абельмановки. Носил «Отечественную» и «Славу». Ел жадно. Пил скупо. Говорил мало. Фляга. Трубка. Буханка и подложкины селёдки.

Без четверти, неизменно без четверти, жаловал «Де-Петь» — Пётр, кажется, Иванович. Наград не помню. Кажется, вовсе не носил. Зато отчётливо на лиялом кителе — две красных и три жёлтых нашивки, т.е. два тяжёлых ранения и три контузии. Бутылка своего самогону. И дежурная шутка: «Штрафбат принимаю?!» Дед Серёга, привычно басил: «Нет, только политически, блядь, грамотных и морально, на хуй, устойчивых!» Сало к самогону.

На обценную лексику деда Серёги следовало осторожно дежурное замечание «баб и девок»: «При ребёнке-то?!» За сим неизменно шёл ритуальный ответ: «А почему это мой старший внук должен говорить Иначе, чем мой народ?»

Ровно в 8, последним из званных и избранных, влезал (именно, именно влезал, в кошмарной своей огромности) «Де-Миш» — старшина первой статьи, морпех — после затопления «Стерегущего» («Звёздочка», «Отвага», редкая мне «За оборону Севастополя», ещё более диковинная «Нахимова» и вовсе невозможная «Ушакова»). Деликатно втискивался, сверкая сталью зубов и золотом гвардейских ленточек бескозырки, с мятым бидоном бражки и тусклой скумбрийею собственного засола, аккуратно завернутой в кальку.

«Потом. Когда вернёмся», — строго говорил дед Серёга всем.

Выпивали вторую. «За Сталина!» Ставя стаканы на стол, больше половины хором и вразной прибавляли... Ну, не напишу же я, что имели ввиду ветераны, поминая организм генералиссимуса?..

Закусывали маминим студнем. Подначивали, между делом, отца: «Ты, Сергеич, на Нинке-то за красоту аль за студень женился?!» Мать краснела, машинально перекидывая с левого плеча на правое недавно отстриженную тёмно-русую косу.

Наливали третью. Молчали. Разминали папиросы, вертели самокрутки, трубки набивали. Тянули. После преизбыточной паузы «Деда-Коль», наконец: «За тех, кто с нами...» Пили. Молчали. Тщательно мазали мамкин студень хреном и горчицей. А из моей дошкольской глупости вралась задача: «С вами? Это кто? Воевал? Дошёл? Был? Выжил? Сидел? Награждён? Присутствует? А?..»

Непривычно бледный смуглый отец странно и строго глядел на меня, и я, мелкий непоняткин, давился глупым и пустым вопросом.

«Пошли!» — командовал дед в 8.05. И они, поскрипывая протезами, звеня «цацками», блестя выбритыми синими подбородками и трогательно белыми подстриженными висками, стуча палками-костылями, щедро благовоняя «Шипром», отсвечивая жирно начищенной обувью, выходили на Большую Коммунистическую улицу.

Странно мне теперь понимать, что было-то им всем по сорок с хвостиком и по полтиннику с небольшим. И я, пацан, — им ровесник, а, попустит Бог, то буду старше многих из них...

Первая остановка — пивная у Николы на Болвановке. Справа, если от не очень знаменитого тогда ещё театра, коли стоять к нему задом. По кружке

Памяти парадов

Эскиз рассказа

пива. Четвертинка из кармана отца. «Витька! Всем сбрызнуть!» Старые мраморные столы, ежедневно проеденные многолетним пивом, куда как основательнее самого шалмана. Мраморные же консоли — по периметру заведения. На них сажали меня. Солёная сушка или хвост воблы: «Харчуйся, пацан!»

Разминающиеся пивом перед долгим рабочим днём лабухи, бережно передвигаемые измочаленные кофры с инструментами, уважительно уступая места: «Иди-иди, Никифорыч! Де-Миш сюда! Витька, тащи Хули!» Их старшОй — Семён Матвеевич, с кликухой Крот, — «За отвагу» и «Заслуженный деятель искусств БССР», — бывший военный дирижёр, отказывался от водки, чокался пивом, извинялся: «Мне ж, таки, до полночи работать с пацанами». Седоватые его «пацаны» исподволь разговялялись.

Подходил загадочный «гвардии-каперанг» с Нижней Радищевской. Алкоголик. Носил только «Героя». Трезв. Выбрит. Отглажен. Вымыт. Дед строго командовал: «Витька!» Отец наливал каперангу, каперангу лично, только и лишь ему, вторую четвертинку. В освободившуюся пивную кружку. «Гвардии-каперанг» выпивал мгновенно. Достоинно благодарил. Неторопливо закуривал «Север». И важно вопрошал деда: «Разрешите присоединиться?»

На изволок — от Нижней Радищевской до Верхней.

Ещё остановка — у бюста Радищева. «Витька! Сын!» Отец мгновенно доставал бутылку и стакан. «Де-Миш» из безбрежных карманов огромного пиджака извлекал бутерброд. «Де-Петь» выпивал первым и, значительно кивая в сторону замыленного бюста, тщательно беззубо выговаривал: «За сидельцев! За штрафроты! За дисбат!» Деликатно откусывали от бутерброда недавно железными, а также давно отсутствующими зубами, сторожко подставляя к подбородкам левую горсть.

Вниз по Верхней Радищевской. До Швивой горки. До высотки на Котельниках.

Магазин в высотке. По кружке. Поллитра на всех — «Сбрызнуть!» Сардельки, горчица, томатный сок и комковатая серая соль. «За тех, кто не дошёл!» Куращие, стало быть, все, круме отца и деда Сергея, норовят закурить. Грудастая мадам в перманенте, из-за стойки: «Охальники!!! Милиция!!!»

«Деда-Коль»: «Пардон, мадам! Ребя, десантируемся!»

Легко переходили Язузу, закуривая уже по дороге. Неторопливо раскладывали остатки закуси на парашете набережной у Воспитательного дома. Выпивка — в карманах. («Витька!») Заботливо сажали меня на гранит. Подстелив газетку под мою задницу и под закуску — с издавна заготовленной шуткой. «Правда?!» Хором: «“Правда!!!” И “Труд” за три копейки». Выпивали ещё. Молча. Глядя — странно, важно и страшно на Кремль; растерянно, любовно и нежно на Николау Заяицкого; рассеянно, уклончиво и тускло на Воспитательный дом; с сердечной подробностью и нежа детали на Троицу в Серебрянниках.

Курили. Молчали. Странно и нервно. Десятый час доходил. Немотствовали под громкоговорительные раскаты предварительных команд с главной площади страны.

Наконец... Наконец... Наконец... Теперь все глядели на «гвардии-

каперанга»... Старший по званию молчал. Делая вид, что теряет терпение, дед Вдовин приторно резко спрашивал: «Товарищ гвардии-капитан первого ранга! Ну! Товарищ герой Советского Союза! Пойдём?! А?!?!?»

Через губу и сквозь долгую паузу, каперанг с Радищевой цедил: «Мы с тобой уже раз, блядь, сходили!» Оба должны были участвовать в параде Победы. По разным причинам не попали и остались живы, в отличие от многих иных «парадников», странно скончавшихся к 1953 г.

Пауза. Пауза. Пауза.

Пауза. Стакан. Каперанг, чуть заикаясь: «Тебя, мудака, Настя замолила». Дед, краснея и басЯ: «А тебя, герой, Олька выпросила». Пауза, вдумчивый перекур с тщательным изучением пейзажа. О чём они говорили?! Кого и что делили? Чем и кем считались?

Деда-Вася, с мудростью усталой печали запоздалого примирения: «За тех, кто ждали!»

Вышивали. Закусывали. Курили. Была ещё четверть часа дойти, наконец, до Кремля. До Красной площади. До сердца столицы нашей Родины — города-героя, города-труженика, порта пяти морей. Ещё. Была. Ещё.

«Витька, чутка!» Допивали.

— И?! Идём?! Ну?..

— А, вот, мальца спросим.

Толстый ГенЬка, сидя на парапете с поджопной «Правдой», болтая рано голыми ногами, конформист и соглашатель с рождения, держа в левой воблин хвост и шоколадку в правой, твёрдо зная свою роль, подражая оптимистической кремлёвской ноте и точно помня мелос детсадовских утренников, выступал громко и отчётливо: «Скажем дружно, на хуй нужно!!!»

Ржали. Били больно по плечам. Конфеты совали.

Мимо идущие милиционеры и рядом дефилирующие патрули, грозно подходили. Увидев количество наград на душу населения, отваливали, уважительно козыряя.

И был я счастлив и охранён. Счастлив, как никогда потом. И сбережён навсегда.

Эти странные, нелепые, смешные, обыденные, несуразные и вовсе не геройские люди закончили войну. Войну закончили. Войны не будет. Никогда. И я стану клоуном, как красивый, умный и печально интересный Енгибаров, или лётчиком, как оторванный, фальшивящий и обречённо гениальный Чкалов, или монахом-адмиралом, как великий, всё бросивший и всеми забытый Ушаков.

От Кремля раздавалось... «К торжественному маршу-у-у-у! Поротно-о-о-о-о! На одного линейного дистанции-и-и-и-и!»

Мои герои, деловито сворачивали закуску-выпивку, несуетно рассовывали по карманам тару и объедки.

Разворачивались.

И шли.

Шли неторопливо.

Шли вверх по Верхней Радищевой.

Шли вверх по Нижней Радищевой.

Шли по Таганской площади.

Шли по Большой Коммунистической.

Шли, рассуждая, какая из Нинок — Вдовина или Зарудская — варила нонча борщ и что в нём стоИт.

Шли, не в ногу, нестройно фальшивя «Прощание славянки» на разные тексты всяких фронтов и ещё кривее нудя «Варяга» на слова флотов всяких.

Шли, гадая, чей студень — Потрясовой или Бойченко — удался, поскольку Нинкин-то, поди, с урал уж подьели.

Шли, лениво отстёгивая и неторопливо отвинчивая награды.

Шли, рассовывая их рассеянно в карманы и в кисеты.

Шли, перекидывая меня, измаявшегося, с рук на руки, с шеи на шею, с плеч на плечи, карябая мне голые икры недоотстегнутыми ещё остроугольными орденами.

Шли, мыча... «И, что нам, мужики, правда, этот парад, а на салют вечером с бабами сходим и ещё треснем...»

Шли — плотно и вкусно обедать, с водкой, и самогоном, и с брагой.

Шли — петь «Эх, дороги...» после винегреты.

Шли — нежно задирая вышедших из пивной лабухов: «Эй, музЬка, пошли с нами! Даром нальём!»

Шли — снисходительно смотреть на танцы молодёжи под вынесенную во двор радиолу «VEF» при милостивом попустительстве тусклых глав храма Мартина исповедника.

Шли — красавцы и безобразные, умники и дураки, тёртые — перетёртые, не боящиеся ни чёрта, ни бога, ходочки и импотенты, битые — перебитые, мозгачи и простаки, готовые ко всему и всего боящиеся, счастливые в победе и в виктории несчастные, брошенные и обретшие.

Шли, несли меня, сопляка.

Я помню их руки.